

Доклад 36.

Николай Гоголь о «русском коде»

Олег Анатольевич Матвейчев

Кандидат философских наук, российский политик, политолог и политический консультант.

Пронзительный монолог о товариществе произносит гоголевский Тарас Бульба в одноименной повести: *«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному – помногу пропадать на чужбине; видишь – и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, – видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... ... – Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупница русского чувства. И*

Николай Гоголь о «русском коде»

проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, – так никому ж из них не доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!»

Речь Тараса имеет четкую логику, проследим ее.

Первый тезис Бульбы. Сначала он поминает величие русского оружия в истории. Поминает славу ОТЦОВ И ДЕДОВ и ссылается на то, что ими передана нам сама практика ТОВАРИЩЕСТВА вместе со славой.

Второй тезис Бульбы. Далее говорит он, что, даже когда у нас все отнято и ИМЕННО в этот момент – последнее, что у нас остается, это ТОВАРИЩЕСТВО. Это ПРЕДЕЛ, после разрушения которого русского уже не будет, поэтому, по сути, «товарищество» и «русскость» – это синонимы. И ТОВАРИЩЕСТВО – это последняя надежда, держась которой мы можем вернуть былую славу отцов.

Третий тезис Бульбы. Дальше он пытается разобраться в том, что такое товарищество, и отвергает его сравнение с родовой любовью, ибо таковая привязанность есть и у животных. Товарищество – это не просто свойскость живущих и работающих рядом людей или родственников. Это родство по душе.

Четвертый тезис Бульбы. Товарищества как родства по душе лишены другие народы, которые могут выглядеть неплохими людьми и похожими на нас, но при ближайшем рассмотрении оказываются «не теми».

Пятый тезис Бульбы. А «не те» другие народы потому, что русские любят не умом или сердцем, а ВСЕМ, чем есть. То есть товарищество отдает себя всего товариществу, а не какую-то свою часть. Что это значит?

Шестой тезис Бульбы. Это принципиальный момент. Отдать чему-то или кому-то только часть – это означает сохранить себя для себя, и конечной целью выступаешь ты сам. Ты отдал какую-то часть себя кому-то, пусть даже товариществу, какую-то свою часть чему-то другому, но сам ты при себе, и ты – самое главное. Иное дело, русский подход, когда человек всего себя, без остатка, отдает товариществу. Это то, что фиксируется в поговорке: «сам погибай, а товарища выручай», которую всем напоминает герой Леонида Быкова из культового фильма «В бой идут одни старики». Эта максима известна каждому русскому, и, более того, она сама по себе очень русская, ее, в отличие от многих пословиц и поговорок, нет в других языках и культурах. Русские былины содержат в себе своего рода кодекс поведения богатырей и воинов с большим количеством акцентов

на товарищество и взаимовыручку. Например, в одной из былин описывается случай, когда вражеское войско собирается захватить Киев, а князь поссорился с дружиной. Один из богатырей взывает к патриотизму дружинников, говорит о защите родной земли, о верности князю, о страдании простого люда. Ничего из этого не находит отклик в сердцах воинов. И он идет на хитрый и крайний ход: зная главную заповедь воинского сословия, он один идет на бой, попадает в трудную ситуацию и просит его выручить. А вот не выручить своего товарища – дружинники уже не могут, они вступают в бой, а заодно спасают и простой народ, и князя, и землю русскую...

Если присмотреться, с рациональной точки зрения она выглядит бессмысленно: сам погибай, а товарища выручай. Почему? Зачем? Чем мой товарищ лучше меня? Если подходить чисто арифметически, то выживание товарища ценой гибели меня ничего не дает. Один выжил – да, но один-то погиб! Нулевой результат! Допустим, в бою такая ситуация: я выживу, если товарищ погибнет, спасая меня, а товарищ выживет, если я погибну, спасая его. Ситуация равновесная. Ни один вариант не лучше другого. Почему должен погибнуть я, а не товарищ? Почему максима предписывает умереть мне, а не наоборот? В самом деле а почему не наоборот?

Давайте прочитаем максима наоборот и докажем ее от противного: «Товарищ погибай – меня выручай». Или, как говорят урки, «умри ты сегодня, а я завтра». В такой форме максима полностью обнажает себя: она показывает, что каждый за себя и нет никакого товарищества, каждый живет и выживает сам по себе, товарищество не существует, а взаимодействие сразу разваливается. В такой ситуации в бою ты не можешь не только рассчитывать на помощь соседа, но и хуже того – можешь ожидать, что он подставит тебя. Давно замечено, что иностранные, не русские армии тоже могут до определенного момента воевать слаженно и скоординировано, их учат этому на учениях, но все это до определенного момента: при явной угрозе жизни взаимодействие рассыпается и каждый начинает выживать сам по себе, думать только о себе. При 25–30-процентных потерях иностранное подразделение рассыпается, начинается паника и выживание путем, как правило, сдачи в плен. Русская армия же знаменита тем, что не теряет боеспособность даже при 100-процентных потерях, «и один в поле воин, если он по-русски скроен». Поэтому именно: «сам погибай, а товарища выручай», погибнуть именно за товарища является высшей честью, взять на себя чужую смерть вопреки заявлению «экзистенциалистов», что «смерть всегда только моя смерть». В определенном смысле это так, но умереть за кого-то, ко-

гда он умирает за меня, создает родовое переплетение, и человек оказывается в РОДУ, в РОЕ, в РАЮ, причем гарантированно, в то время как смерть, которой ты хозяин сам, т. е. когда ты самоубийца – делает тебя выродком и прямиком ведет в ад. Смерть «не за кого», бессмысленная смерть, делает тебя тоже выродком или, как говорили в старину, заложным покойником. Не хорошо жить, а правильно умереть – вот главная забота русского человека. Попасть в Вальхаллу, умерев с мечом в руке, рядом с товарищем или попасть в христианский рай, ибо «положил душу за други своя», как заповедовал Христос, который сам умер и воскрес за все человечество – разница не особо большая, поэтому русским языческим богатырям при принятии христианства не надо было переучиваться. Человек не есть конечная цель, не пуп земли, он есть средство, он знак, указующий на что-то другое, он должен раствориться в чем-то большем, отдать себя, исполнив предназначение, только при таком мировоззрении возможен героизм. Тогда как при обратном мировоззрении («главное – это человек, его счастье и качество его жизни») героизм бессмыслен.

Седьмой тезис Тараса Бульбы Гоголя. Он говорит о русском, который превратился в «подлюку», перенял обычаи чужие, предал, стал сладко спать и много есть и проч. Однако, пока он остался русским, у него остается крупица русского чувства, собственно, потому что уже было сказано, это предельное, что в русском есть.

Восьмой тезис Тараса Бульбы. Даже «испровавшись и впад в поклонничество» перед другими народами, совершив все грехи, русский в конечном итоге способен на покаяние и на подвиг во имя искупления этих своих ранее совершенных грехов.

Девятый тезис Тараса Бульбы. Чем более страшны грехи, тем более серьезным будет ответ – не просто смерть, а мученическая смерть во искупление грехов, на которую абсолютно неспособны иноземцы с трусливой мышинной душой. На этом Гоголь заканчивает рассуждение. И это предельное развитие мысли. Поэтому важно разобрать этот важнейший момент. Выше уже шла речь про «смерть за други своя». Казалось бы, на этом можно было бы и остановиться, ведь тема товарищества полностью раскрыта. Однако Тарас Бульба Гоголя идет дальше. В конце концов, абсолютно неясно, почему русские идут до конца, умирают, почему они, в отличие от других народов, не считают себя самоценными, а товарищество, наоборот, ценят. В конце идет кульминация всей речи и разъяснение. Причем разъяснение в предельной, примерной ситуации. Геройская смерть не может быть понята сама по себе, она может быть понята только из своего предельного состояния, а именно –

из мученической смерти. Как говорил культовый персонаж советского фильма «Белое солнце пустыни», удачливый боец, стоивший целой роты головорезов, ТОВАРИЩ Сухов: «Лучше, конечно, помучиться». Итак, героическая смерть может быть разъяснена через мученическую, а именно – желание идти на смерть, особенно на мученическую смерть, возникает не из-за того, что кому-то просто объяснили в детстве, что умирать за товарища хорошо, а жить для себя – плохо. Не тем русский отличается от нерусского, что русскому это говорили, а нерусскому не говорили. Хотя, безусловно, наше воспитание этим отличается, но этого мало! Главное – это не идеология, главное – это энергетика. И вот механизм энергетический и показан Гоголем. Желание идти на мученическую смерть как предельный и на простую смерть за товарища как частный, более слабый, случай, возникает как разжимание пружины, как ответ на ситуацию предшествующего сжатия... Итак, человек получает поучение, скорее всего в детстве, от отцов и дедов, о том, как надо жить по законам товарищества, однако в противовес им начинает жить иначе, продавать отечество, поклоняться другим народам, жить для себя, как рассказывает Тарас Бульба, запасая «стоги и меда». Он пытается угнетать в себе русского, но не может это сделать, не может убить в себе последнюю каплю «русского чувства», оно все время шепчет ему, что он грешник, предатель, мерзавец, и это «портит кайф» от жизни по принципам эгоизма. В последний же момент конфликт в душе становится настолько невыносим, что русский отбрасывает все материальное, освобождается от него, надевает белую рубаху и идет умирать, причем желательнее мученически, чтобы мучением смыть грехи. **Момент отрицания своей русскости, момент «предательства», включен в диалектику развития русской души.** Но без него, без этого предательства, невозможна была бы энергия и сила ни мученической смерти, ни просто смерти.

Эта диалектика очень специфическим образом устроена. Тот, кто ее создавал (представим, что она создана искусственно), должен был учесть момент «падения». Если ты знаешь, что обычный, естественный человек во всех странах хочет, во-первых, выживать, для чего надо питаться и иметь запасы и желательнее больше, во-вторых, размножаться, а в-третьих, если получится, то жить счастливо, т. е. питаться еще более качественно, размножаться много и чтоб еще и совесть была спокойна, то надо для подвига создать идеологию, полностью противоположную этому естественному желанию, и выставить эту идеологию как нравственный императив, благодаря которому было славное прошлое и возможно райское будущее. Тогда «естественное настоящее» всегда будет

в противоположности с идеалом, всегда будет грешным и всегда виноватым. То есть, как бы хорошо оно ни питалось и ни размножалось качественно и количественно, «кайф» будут ломать несоответствие идеалам прошлого и угроза ада в будущем. Совесть по ночам будет грызть, причем тем больше, чем больше ты не соответствуешь идеалу и живешь в настоящем, пытаешься заглушить совесть. В конце концов прошлое в союзе с будущим побеждают настоящее и происходит тот самый рывок пружины. В конце концов, как в упомянутом «Белом солнце пустыни», бывший офицер Верещагин, погрязший в жене, черной икре и павлинах, расправляет плечи и идет на десяток бандитов, на верную смерть. Причем заметим, перед этим он сильно сжал пружину совести, он отказал Петрухе, такому же воину, но молодому, глупому и слабому, которого обязан защитить по этике воина, в просьбе о помощи, а это значит, нарушил заповедь «сам погибай – товарища выручай», а потом выяснилось, что Петруха погиб... Жить с этим дальше было уже нельзя...

Для Гоголя «русский код» – это код «воинского братства», которое понимается как предельное развитие и сущность «русскости». Русские – народ кшатриев, народ воинов, никто в мире не воевал столько, сколько русские, и не имеет более славной военной истории, чем русские. Этот культурный код победителей и есть, по Гоголю, самое главное. Можно, конечно, сказать, что русские ведь не только воюют, мол, код русских воинов нельзя выдавать за код всего народа, нельзя частное выдавать за всеобщее. В этой связи не лишним будет напомнить различие в диалектике между конкретно-всеобщим и абстрактно-всеобщим, о котором писал Гегель и напоминал Ильенков. Конкретно – всеобщее, настоящее сущностное не витает в качестве абстракции, чтоб охватить собой все, оно существует как особенное наряду с другими особенными, но при этом является еще и всеобщим. Так мученическая смерть является особым видом смерти, но она сущностно-всеобщая, из которой понимается любая смерть вообще. Боевое товарищество кажется всего лишь этикой особой группы людей в русском народе, но на самом деле эта особенная сущность, из которой понимается русскость вообще.